

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ М. ВЕБЕРА

В статье рассматривается вариант методологии социального познания, разработанный М. Вебером в начале XX века. Его идеи сильно повлияли на методологию социально-гуманитарных наук, что объясняется сбалансированным, взвешенным подходом к разработке основных проблем: объективности и общезначимости гуманитарных наук, идеального типа и целерационального действия, специфики обобщения в социальном познании, проблемы понимания в гуманитарных науках. Особенно значима разработка Вебером проблемы социальных ценностей и их культурного смысла. Все эти проблемы актуальны и сегодня.

Ключевые слова: идеальный тип, целерациональное действие, социальные ценности, констелляция, понимание.

М. Вебер – крупнейший социолог конца XIX – начала XX в., внесший большой вклад в разработку методологии социального познания. Его идеи оказали огромное влияние на развитие западной истории, социологии и политэкономии. Всестороннее изучение идей Вебера началось во второй половине XX века в США и в ФРГ. Распространению идей Вебера в США способствовал Т. Парсонс, защитивший диссертацию по социологии Вебера и Зомбарта в 1927 г. в Гейдельбергском университете. Этот же американский социолог перевел на английский язык работу Вебера «Протестантская этика» [8, с. 8].

Многие американские и европейские социологи и экономисты (например, Б. Селигмен, Н. Смэлзер) отмечают, что значение Вебера для науки не менее важно, чем значение К. Маркса [8, с. 4]. Некоторые из них отмечают близость некоторых идей Вебера к марксизму. В отечественной науке такого же мнения придерживался А.И. Неусыхин. «Он пришел к обоснованному выводу о том, что на практике Вебер стоял гораздо ближе к марксизму, чем это считалось в советской историографии» [8, с. 5]. Такого же взгляда придерживается и известный исследователь культуры Э.С. Маркарян [6]. В вопросе о совпадении или несовпадении взглядов Маркса и Вебера имеются две основные точки зрения: первая заключается в утверждении тезиса, что Вебер дополнил идеи Маркса своими идеями и исправил односторонность марксизма; вторая состоит в том, что Вебер опроверг Маркса [8, с. 8]. У каждой позиции есть свои авторитетные сторонники.

Существуют разночтения и в вопросе о теоретической позиции Вебера. «О его теоретической позиции существуют два мнения. Одни

ученые причисляют Вебера в общем и целом к баденской школе неокантианства. Этот взгляд разделяют Т. Шидер, Г. Шмидт, А. Хейс, Т. Берджер, Б. Мойрер, Г. Уокс. Другие авторы (Г. Рот, Р. Прево, В. Шлюхтер, К.Г. Фарбер), наоборот, тесно сближают его принципы с позитивистскими» [8, с. 8].

По своим политическим убеждениям Вебер был либералом. Формировался этот выдающийся ученый под влиянием немецкой «исторической школы» в политэкономии. Особенностью научного подхода этой школы было изучение экономических отношений той или иной эпохи в тесной связи с историей данного общества, данной эпохи. Прежде всего обращалось внимание на быт, верования, нравы, составлявшие основу духовной атмосферы данного общества, порождавшие определенные экономические формы. Уже первые работы¹ приносят Веберу известность, но всеобщее признание к нему приходит после опубликования работы «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.).

Вебер постоянно держал в поле зрения не только теоретические вопросы социологии и политэкономии, но и разрабатывал свои подходы в области методологии социального познания, посвятив этому такие работы, как «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904 г.) и «Критические исследования в области логики наук о культуре» (1906 г.). В последние годы жизни он пишет «Хозяйственную этику мировых религий» (1916-1919 гг.), а также такие важные статьи, как «Политика как призвание и профессия» (1919 г.) и «Наука как призвание и профессия» (1920 г.). Вопросы методологии социального познания Вебер рассматривает так-

¹ «К истории торговых обществ в средние века» (1889 г.), «Аграрная история древнего мира» (1891 г.).

же в таких статьях, как «О некоторых категориях понимающей социологии», «Смысл свободы от оценки в социологической и экономической науке», «Основные социологические понятия».

1. Проблема общезначимости наук о культуре

Свою методологию познания социальных явлений Вебер прежде всего противопоставляет марксистской методологии. Он пишет: «Так называемое «материалистическое понимание истории» в качестве «мировоззрения» или общего знаменателя в каузальном объяснении исторической действительности следует самым решительным образом отвергнуть...» [1, с. 365]. По его мнению, идеи «Манифеста коммунистической партии» разделяют только любители и дилетанты, которые ждут объяснений исторических явлений только на основе экономических факторов. Однако такая позиция Вебера в данном вопросе еще не говорит о том, что он относится к идеям марксизма целиком критически. Другие аспекты марксистской теории он принимал, о чем речь пойдет ниже.

Главной темой исследований Вебера в области методологии познания стала проблема общезначимости наук о культуре. Психологическое обоснование социально-гуманитарного знания, проведенное в русле «философии жизни» В. Дильтеем, не устраивало Вебера, так как в этом случае ставилась под вопрос достоверность и общезначимость гуманитарного знания, ибо оно получено путем психологического погружения в духовный мир другой личности или эпохи. «Именно проблема общезначимости наук о культуре стала центральной темой исследований М. Вебера. В одном вопросе Вебер был согласен с Дильтеем, Мюнстербергом и их сторонниками – он разделял их антинатурализм, будучи убежден, что, анализируя человеческую деятельность, нельзя исходить из тех же методологических принципов, из которых исходит астроном, изучающий движение небесных тел. Как и Дильтей, Вебер считал, что абстрагироваться от того, что человек есть существо сознательное, не может ни историк, ни социолог, ни экономист. Но руководствоваться при изучении социальной жизни методом непосредственного вживания, интуиции он решительно отказывался, поскольку результат подобного

способа изучения не обладает общезначимостью» [5, с. 35-36].

Поэтому вопросы методологии социально-гуманитарного познания Вебер разрабатывал на основе неокантианства баденской школы. Особенно он ценил работы Г. Риккерта. Неокантианство баденской школы разрабатывало методологию научного познания, альтернативную позитивистской методологии с ее ориентацией на естественнонаучные методы познания и непризнанием исторических и социальных ценностей в качестве объектов познания. Для Вебера же большое значение в социальной жизни имеют не только эмпирические факты, но и ценности, а также духовные процессы, на основе которых формируются социальные формы, институты и т. д.

Вебер уделяет значительное внимание логике образования исторических понятий. Следуя Г. Риккерту в этом вопросе, он тоже разграничивает ценность и оценку. Ценность объективна, а оценка несет на себе печать субъективности. «Наука о культуре, обществе и истории, – заявляет Вебер, – должна быть так же свободна от оценочных суждений, как и наука естественная» [4, с. 9]. Вебер полагает, что, разделяя «оценочные суждения» и «опытное знание», надо исходить из предпосылки о необходимости логического упорядочения эмпирических фактов. Вместе с тем у Вебера есть отличие в понимании ценностей от Риккерта. Для Риккерта ценности – нечто надбытийное и надисторическое. Для Вебера ценности – это характерные особенности определенной исторической эпохи, ее интересы и установки. «Главное, что Вебер никогда не отождествлял интерес эпохи с интересом отдельного ученого. Первый он считал общим выражением данной эпохи, ее главными установками. В сущности, под ценностями Вебер подразумевал социально-классовые основы научного познания» [8, с. 97].

2. Идеальный тип и целерациональное действие

Вебер вводит понятие идеального типа с целью более глубокого постижения исторической реальности и построения научной теории, выходящей за пределы эмпирического уровня познания. При помощи понятия «идеальный тип» Вебер решает также проблему координации единичного и общего в историческом зна-

нии, что позволяет преодолеть как эмпиризм, так и философские спекуляции. Для Вебера «идеальный тип» – это интерес эпохи, извлеченный из самой этой эпохи как исторической реальности, получивший теоретическую форму и служащий цели более глубокого познания той же исторической реальности. А.И. Неусыхин очень точно определяет идеальный тип Вебера как «орудие познания исторической действительности, взятое из нее самой» [7, с. 644].

Идеальные типы, согласно Веберу, «чужды миру» в том смысле, что это именно типы, а не отдельные явления, они являются продуктом теоретической обработки реальности и обобщения. Но тем лучше они работают в направлении объяснения и предсказания социальных и исторических явлений. Социология, по Веберу, изучает действия людей, под которыми он понимает осмысленные действия, направленные на достижение определенных целей с сознательным использованием адекватных средств, необходимых для достижения этих целей. Такое действие людей Вебер называет целерациональным. Он пишет: «Целерациональным мы называем поведение, ориентированное только на средства, (*субъективно*) представляющиеся адекватными для достижения (*субъективно*) однозначно воспринятой цели» [2, с. 495].

Социологию интересует, как считает Вебер, поведение индивидов, которое осмысленно, соотносено с поведением других людей и может быть объяснено. При этом социология дифференцирует поведение людей, исходя из тех смыслов, которыми направляется поведение. В русле психологизма вопрос о целерациональном действии решить не удастся, считает Вебер, поэтому он, как и неокантианцы баденской школы, критикует психологизм. «Чем однозначнее действие ориентировано по типу рациональной правильности, тем менее смысл его может быть понят с помощью каких-либо психологических соображений» [2, с. 500]. При этом целерациональное действие не является единственным и всеобщим типом действия, так как существует целый ряд типов действия, выстраивающихся между целерациональным действием и иррациональным действием. Целерациональное действие – это идеальный тип, который позволяет одновременно понять смысл действия и понять действующего субъекта [4, с. 16].

Вебер не питает особого доверия к общим категориям, например таким: «сообщество»,

«государство», «феодализм», – так как им трудно приписать смысл, они «неразумны» и поэтому непонятны. Легче понять индивида, обладающего разумом и ставящего перед собой осмысленные цели. Отсюда же вытекает и его отрицательное отношение к «органической социологии», рассматривающей общество как целостный организм, подобный биологическому организму. В этой концепции общество определяет свойства индивида, а индивид – это всего лишь частичка, клеточка общества. Вебер же считает, что свойства общества вытекают из действий индивидов и их смысловой направленности. Он полагает, что социология должна исходить из действий отдельных людей, индивидов. «Его позицию можно было бы, следовательно, охарактеризовать как номиналистическую» [4, с. 17]. Коллективные действия Вебер предпочитает рассматривать по аналогии с действиями отдельных индивидов, вкладывая в такую, например, категорию, как «государство» и его деятельность, определенный смысл.

Таким образом, Вебер изучает живую историческую и общественную действительность, но на этой основе вырабатывает не картину, а логику (схему) этой действительности, как и положено неокантианцу. Причем он неоднократно оговаривается, что эта логика не повторяет, не отражает действительности, а способствует ее пониманию. То есть идеальные типы далеки от реальности, но без них в познании не обойтись.

Как уже говорилось выше, для Вебера важно то, что целерациональное действие осуществляется индивидом не в пустом пространстве, а в окружении других людей и оно ориентировано на этих людей, то есть для Вебера важна «ориентация на других». Такие действия он называет «общностно ориентированными действиями». В таких действиях, по Веберу, имеется, во-первых, осмысленное соотношение действия индивида с поведением других людей, во-вторых, ожидание определенного поведения других людей, в-третьих, имеется определенная степень вероятности успешности действий индивида [2, с. 509]. Действия индивидов могут иметь разную мотивацию и могут отклоняться от рационально осмысленных. Но Вебер акцентирует внимание именно на тех действиях, которые понятны, осмысленны и ведут к согласию, так как именно такие действия составля-

ют основу общественной жизни. Все прочие действия либо являются реакцией на воздействия природы, либо определяются как «противоречащие установленному порядку», как «отклоняющиеся от нормативных» [2, с. 514-515]. «На данной стадии, – пишет Вебер, – мы будем считать рациональным идеальным типом объединения в общество «целевой союз», то есть общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, целерационально принятыми *всеми* участниками на основе общего согласия» [2, с. 515].

Типологию социальных действий Вебер представляет следующим образом: «Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) *целерациональным*, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели; 2) *ценностно-рациональным*, основанным на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – *самодовлеющую* ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) *аффективным*, прежде всего *эмоциональным*, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) *традиционным*, то есть основанным на длительной привычке» [3, с. 628]. В данной типологии собственно социальными действиями, как это понимает Вебер, являются только первый и второй типы действий. Третий же и четвертый не несут в себе осознанного смысла. Поэтому рациональность возрастает от четвертого к первому. Такое понимание типов социального действия – не просто прихоть Вебера, а понимание им объективного хода исторической закономерности возрастания рационального начала в развитии общества, то есть «рационализация есть всемирно-исторический процесс» [4, с. 22].

Вебер показывает эти типы социального действия в чистом виде, но при этом он обращает внимание на то, что в чистом виде они существуют только в виде абстракции, тогда как реальное поведение индивидов ориентировано на основе двух и более типов действия. Причем в различных культурах преобладающими будут разные типы действия: для традиционных культур характерны аффективный и традиционный

типы социального действия, рационалистическому западноевропейскому обществу индустриального периода развития более присущи целерациональный и ценностно-рациональный.

Большой трудностью для Вебера стала проблема выведения общего результата социальных действий отдельных индивидов, так как интересы людей различаются и действия их разнонаправленны. Результаты действий отдельных людей часто не совпадают с общим вектором социальных изменений.

3. Проблема понимания у В. Дильтея, Г. Риккерта и М. Вебера

В. Дильтей предложил свой метод познания исторических явлений через вживание в дух эпохи, идеи людей и культурные тексты. Средством познания также является изучение объективаций духа путем понимания, а не объяснения. Вебер тоже опирается в своем подходе к социальному познанию на метод понимания, но он трактует понимание иначе, чем Дильтей. Связи и закономерности человеческого поведения необходимо изучать в социальных науках «понимающе», то есть если Дильтей противопоставляет объяснение и понимание как методы научного познания, то Вебер их соединяет. Сначала необходимо понять социальное действие и благодаря этому затем можно объяснить его причину. «Понятие действия и понятие смысла существуют у Вебера в единстве» [8, с. 99].

Социология, согласно Веберу, – это «наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие» [3, с. 602]. Под социальным действием Вебер понимает только такое действие, которое несет определенный субъективный смысл, то есть не смысл эпохи, класса, а именно личностный смысл отдельного индивида. Причем смысл ориентирован на действия других людей, и таким образом возникает целая смысловая сеть взаимодействий людей. Метод «понимающей» социологии, по Веберу, рационалистичен, так как он не направлен на углубление во внутренний мир человека и его психологические пласты переживаний, а призван выявить с помощью идеального типа (представляющего собой идеальную конструкцию) реальное поведение.

Понятие «понимание» необходимо Веберу для того, чтобы дополнить логическую харак-

теристику идеального типа его содержательной характеристикой. При этом понимание у Вебера отличается от трактовки этой категории у Дильтея и Риккерта. С помощью этого понятия можно провести разделительную линию между естественными и социальными науками, так как человеческое поведение можно понятно истолковать. Вебер пишет: «В поведении (*Verhalten*) людей («внешнем» и «внутреннем») обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть *понятно* истолкованы» [2, с. 495]. При этом социологию интересуют действия людей, под которыми Вебер подразумевает понятное отношение к объектам, то есть действия, имеющие субъективный смысл.

Если у Дильтея понимание противоположно объяснению, в основе которого лежит причинное истолкование, то Вебер в основу понимания кладет именно причинное объяснение. Он пишет: «Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с *поведением других* людей, во-вторых, *определено* также этим его осмысленным соотнесением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно *объяснено*» [2, с. 497].

Тем самым у Вебера понимание не является психологической категорией, а «понижающая социология не есть часть психологии» [2, с. 499]. Согласно взглядам создателя понимающей социологии, наиболее понятными являются те действия индивидов, которые рационально ориентированы на средства, при помощи которых наиболее адекватно достигаются рационально намеченные цели. То есть подход Вебера строго логический (неокантианский), а не психологический, так как чувства и аффекты могут быть недостаточно ясны и не всегда можно их правильно истолковать.

Отсюда вытекает та трактовка соотношения социологии и психологии, которую дает Вебер. Объяснить – не значит вывести действия людей из их психики, а означает понимание того *смысла*, который люди вкладывают в свои действия и действия других людей. Поэтому социология исследует поведение индивидов или

групп людей, а не их психику. Психология же тоже изучает поведение людей, но под иным углом зрения, так как для нее смысл человеческих действий не является определяющим, не является предметом психологического исследования. «Важно подчеркнуть, – пишут П.П. Гайденок и Ю.Н. Давыдов, – что Вебер имеет в виду тот смысл, который вкладывает в действие сам индивид; он многократно указывает, что речь не идет ни о «метафизическом» смысле, который рассматривался бы как некий «высший», «истинный» смысл (социология, по Веберу, не имеет дела с метафизическими реальностями и не является наукой нормативной), ни о том «объективном» смысле, который могут в конечном счете получать действия индивида уже независимо от его собственных намерений» [5, с. 52].

Смысл, согласно Веберу, находится по ту сторону человеческой чувственности и относится к сфере логического. В этом плане Вебер занимает неокантианские позиции. Но и неокантианскую трактовку понимания, как ее дает Риккерт, Вебер не разделяет. Риккерт изложил свою концепцию понимания в статье «Метод философии и непосредственное» и в работе «Границы естественнонаучного образования понятий». По Риккерту, психику индивида понять невозможно, она закрыта, является своеобразным черным ящиком. Но можно понять результаты деятельности психики – смысловые образования, имеющие надэмпирическую (надпсихическую) природу. Психический уровень – это звуки слов, ощущения, а надэмпирический – значение слов, которым оперирует логика.

В этом контексте Риккерт критикует философию жизни, сосредоточившуюся на чувственных состояниях человека, и определяет это как «гилетический сенсуализм» [5, с. 53]. Сам же Риккерт говорит о понимании только как о переживании сверхчувственного содержания. Чувственное не может быть понято, так как понять можно лишь то, что имеет смысл, а чувственность – это всего только носитель смысла. Чужие психические состояния, по Риккерту, непроницаемы. Поэтому историческая наука не может исследовать душевные переживания исторических личностей, а может показать сделанное и сказанное ими, а также может показать ценность всего этого [9].

Вебер, как уже говорилось, несколько иначе понимает эту проблему. Прежде всего психо-

логия не может быть методологией исторических и социологических исследований. В этом Вебер согласен с Риккертом, но тезис о принципиальной непостижимости душевной жизни людей он не принимает. Способность «вживания» в чужую духовную жизнь имеет место и в социологии, так как существуют действия людей, вызванные аффектами. Они влияют на поведение людей и доступны пониманию, хотя и не имеют смысла. Можно понимать индивида на уровне понимания аффекта (гнева или страха) и при этом главное внимание концентрировать на понимании действий или слов. «Как видим, Вебер признает возможным непосредственное проникновение в эмпирически-реальную связь чужой психологической жизни (отходя тем самым от неокантианства), но не считает этот способ понимания основным средством в работе социолога и историка...» [5, с. 55]. Такой подход сближает позиции Вебера и Дильтея и отделяет Вебера от Риккерта.

В основе социологии Вебера лежит такая трактовка понимания, согласно которой «наиболее понятным является действие осмысленное, то есть (1) направленное к достижению ясно сознаваемых самим действующим индивидом целей и (2) использующее для достижения этих целей средства, признаваемые за адекватные самим действующим индивидом.... Описанный тип действия Вебер называет целерациональным (*zweckrational*)» [5, с. 56]. Истолкованное таким образом понимание у Вебера не может быть предметом психологии, целерациональное действие тоже не подлежит психологическому анализу. То есть Вебер верен тому антипсихологизму, который мы находим у И. Канта, неокантианцев, Э. Гуссерля. Все они были убеждены, что содержание знания не улавливается психологией, сосредоточенной на изучении механизмов процессов ощущений или восприятий. Знания облечены в психические формы, но от этих психических форм не зависят. Таково мнение и Вебера.

Целерациональное действие, по Веберу, является идеальным типом, то есть оно нечасто встречается в реальных общественных процессах. Но это наиболее значимый идеальный тип, так как именно при его помощи Вебер осуществляет наиболее важные свои социологические исследования. При этом идеально-типические образования и целерациональное

действие среди них, согласно Веберу, рассматриваются как гипотезы, требующие проверки (верификации).

Кроме целерационального действия Вебер выделяет еще несколько типов действия:

- 1) более или менее приближенно достигнутый правильный тип;
- 2) (субъективно) целерационально ориентированный тип;
- 3) действие, более или менее сознательно и более или менее однозначно целерационально ориентированное;
- 4) действие, ориентированное нецелерационально, но понятное по своему смыслу;
- 5) действие, по своему смыслу более или менее понятно мотивированное, однако нарушаемое – более или менее сильно – вторжением непонятных элементов;
- 6) действие, в котором совершенно непонятные психические или физические факты связаны «с человеком или в человеке незаметными переходами» [5, с. 57-58].

Вебер поясняет, что самым ясным и понятным является целерациональное действие. Отступление от рациональности приводит к тому, что действие становится малопонятным, происходит накопление отклонений от чисто целерационального действия по причине наличия в действиях иррациональных (обусловленных аффектом) смысловых связей. Целерациональное действие как идеальный тип важно для Вебера еще и потому, что в нем совпадают смысл действия и действующий человек. Таким образом, в целерациональном действии, согласно Веберу, совпадают оба эти момента, что очень важно для методологически правильно построенного социологического исследования.

4. Предмет социальных наук и проблема детерминации явлений общественной жизни

Вебер не считает, что экономическая жизнь общества детерминирует все остальные его стороны, то есть он не является сторонником марксистского тезиса об определяющей роли «экономического базиса» по отношению к «надстройке». Веберу присущ другой взгляд на взаимодействие различных факторов и сторон общественной жизни.

Во-первых, он размывает границы экономических явлений. Явления культурной жизни,

согласно Веберу, могут уходить корнями в социально-экономическую сферу жизни общества. В этом случае социальная наука имеет своей задачей раскрытие значения социально-экономических условий для развития культурных форм жизни [1, с. 360]. Определенные события общественной жизни и социальные институты могут иметь важную экономическую сторону. Такие институты и события (события на бирже или в банковском деле) Вебер называет «экономическими». Если же, например, религия или государство оказывают существенное воздействие на экономические процессы в обществе, то такие факторы общественной жизни Вебер называет «экономически релевантными». Наконец, если какие-то процессы в жизни общества (например, его художественная жизнь) испытывают отдаленное воздействие экономических факторов, то это «экономически обусловленные явления» [1, с. 360-361]. Исходя из этого, Вебер считает, что границы экономических явлений нечетки и размыты.

Во-вторых, Вебер считает, что экономические явления не имеют только сугубо экономической природы, но испытывают воздействие различных явлений общественной жизни. Вебер пишет: «Из сказанного явствует, что, с одной стороны, сфера «экономических» явлений не стабильна и не обладает твердыми границами, с другой – что «экономические» аспекты явления отнюдь не «обусловлены *только* экономически» и оказывают не *только* «экономическое влияние», что вообще явление носит экономический характер лишь в той мере и *лишь* до тех пор, пока наш *интерес* направлен исключительно на то *значение*, которое оно имеет для материальной борьбы за существование» [1, с. 361].

Таким образом, согласно Веберу, в социальной жизни все явления тесно переплетены и находятся в многообразных взаимоотношениях и взаимодействиях. В познании субъект вычленяет определенные стороны и аспекты социальной жизни, то есть направляет свой познавательный интерес на экономическую сторону общественного явления, политическую, религиозную и т. д. Все эти стороны вместе взятые составляют культуру в целом, в которой для Вебера не существует субординации и приоритетов типа «базис - надстройка», но все стороны и аспекты социальной жизни оказывают влияние друг на друга: как экономика на духовную

жизнь, так и духовная жизнь – на экономику, причем не меньшее влияние. Именно целостная культура и является предметом изучения социальных наук для Вебера. Три выделенные им группы социальных явлений – «экономические», «экономически релевантные» и «экономически обусловленные» – составляют вместе «... всю совокупность культурных процессов» [1, с. 361].

Вебер отмечает, что нельзя говорить только об обусловливании явлений культуры (эстетических, религиозных и т. д.) экономическими процессами жизни общества, так как существует и встречное обусловливание материальных явлений духовными. Он пишет: «...совокупность всех явлений и условий жизни в рамках исторически данной культуры воздействует на формирование материальных потребностей, на способ их удовлетворения, на образование групп материальных интересов, на средства осуществления их власти, а тем самым и на характер «экономического развития», то есть становится «экономически релевантной»» [1, с. 362].

Социальные науки ведут исследования социально-экономические, социально-политические и исторические. Осуществляют они эти исследования несколько по-разному: если изучаются экономические процессы и их влияние на культурную жизнь, то такое исследование становится основой полного исторического познания этой культуры; если же социальная наука изучает формирование экономических явлений из предшествующих исторических условий или культурных воздействий определенных духовных явлений, то исследование является собственно историческим [1, с. 362]. То есть Вебер выводит экономику из культуры, а культуру, в свою очередь, – из экономики. Это и есть, по Веберу, анализ всех культурных проблем, то есть изучение исторических форм организации совместной жизни людей и культурного значения социально-экономических процессов. В этом смысле социальные науки Вебер называет «науками о культуре» и отмечает, что его подход к природе социальных наук, и в частности социально-экономического исследования, не имеет ничего общего с односторонностью материалистической точки зрения. Но при этом Вебер отмечает, что, с одной стороны, нельзя абсолютизировать экономическую детерминацию социальных процессов, но, с другой стороны, научно некорректно и отбрасывать целиком и полностью проблему

экономической обусловленности культурных явлений. Он пишет: «Отказываясь от устаревшего мнения, будто всю совокупность явлений культуры можно *дедущировать* из констелляций «материальных» интересов в качестве их продукта или функции, мы тем не менее полагаем, что *анализ социальных явлений и культурных процессов* под углом зрения их *экономической* обусловленности и их влияния был и – при осторожном свободном от догматизма применении – останется на все обозримое время творческим и плодотворным научным принципом» [1, с. 365].

Вебер считает, что нельзя мировоззренческие принципы ставить впереди научных и из них выводить все содержание научного знания, так как это грозит схоластичностью и догматизмом. Французские просветители, по Веберу, все объяснения процессов социальной жизни сводили к пресловутой «среде», марксизм – к экономическим факторам, современная антропология – к «расе». Здесь чувствуется явная антиметафизическая установка выдающегося немецкого социолога и философа. Вебер же предпочитает конкретные культурные и исторические явления объяснять из них самих и для конкретных явлений искать конкретные исторические причины. Причем должны быть неопровержимые доказательства получаемых выводов, подтверждаемые эмпирическим материалом.

Нельзя игнорировать экономические факторы и условия развития общества, но нельзя и переоценивать их. Подход, согласно которому только экономические факторы считаются действительными причинами происходящих социальных событий, а все остальные культурные факторы объявляются случайными, Вебер считает ненаучным. Он пишет: «...Все эти «случайные» с экономической точки зрения моменты совершенно так же, как экономические, следуют своим собственным законам и что для того рассмотрения, которое исследует *их* специфическую значимость, *экономические* «условия» в таком же смысле «исторически случайны», как случайны с экономической точки зрения другие «условия»» [1, с. 367]. И в другом месте: «Сведение к *одним* экономическим причинам нельзя считать в каком бы то ни было смысле исчерпывающим *ни в одной* области культуры, в том числе и в области «хозяйственных процессов»» [1, с. 368].

5. Социальное познание и культурные ценности

«Социальная наука, которой *мы* хотим заниматься, – это *наука о действительности*» [1, с. 369], – пишет Вебер. Это высказывание Вебера требует пояснения. Г. Риккерт, идеи которого Вебер очень ценил и на которые опирался в своем творчестве, не считал социологию наукой, относящейся к наукам о культуре, а относил ее к наукам «обобщающим», то есть к наукам о природе. Вебер же отходит от такого понимания социологии и рассматривает ее как науку «индивидуализирующую». Заслуга В. Виндельбанда и Г. Риккерта состояла в том, что они выявили различия между науками о природе и науками о культуре по методу исследования, а не по предмету, но в результате образовалось противоречие между этими методами, которое приобрело характер противоборства сциентистских и антисциентистских подходов в науке. Вебер сделал попытку преодолеть эту антиномию, и ему это удалось. «Он, – пишет Ю.Н. Давыдов, – не просто «переместил» социологию из области наук о природе в область наук о культуре, от «неисторических» наук к «историческим». В своей программе социологии он «снял»... *саму эту дихотомию* «индивидуализирующего» и «обобщающего» подходов, не только не поколебав, но, наоборот, решительно утвердив при этом статус социологии как основополагающей науки о действительности» [5, с. 155].

Каждое явление общественной жизни, согласно Веберу, требует специального объяснения, при этом учитываются взаимосвязи этого явления с другими явлениями и их культурная значимость. Однако рассмотреть бесконечное многообразие сторон и взаимосвязей единичных явлений невозможно, поэтому возможно только рассмотрение существенной части этого явления, которая выделяется по признаку культурной значимости. Были попытки свести науки о культуре к исследованию законов, подобных естественнонаучным законам. Но это, согласно Веберу, неправомерно. Закон имеет общий характер, и он не вбирает в себя значительное многообразие индивидуальных явлений и их свойств. Это может привести к тому, что данное многообразие может быть проигнорировано или может быть объявлено случайным, не относящимся к делу. Такой подход не устраивает Вебера. Индивидуальные явления,

их свойства и взаимосвязи, то есть то, что Вебер называет «индивидуальные констелляции», обладают значимостью, и в этом отличие наук о культуре от наук о природе [1, с. 370].

Индивидуальные явления не выводимы из законов. Дедуцировать все содержание социального знания из абстрактных законов не удастся, а если удастся, то это будет не наука, а мировоззрение, которое Вебер относит не по ведомству науки, а по ведомству политических или иных пристрастий. Поэтому предметом научного интереса наук о культуре являются не абстрактные понятия и законы действительности, а сама действительность. «Отправным пунктом интереса в области социальных наук служит, разумеется, *действительная*, то есть индивидуальная, структура окружающей нас социокультурной жизни в ее универсальной, но тем самым, конечно, не теряющей своей индивидуальности связи и в ее становлении из других, также индивидуальных по своей структуре культур» [1, с. 371].

Если естественные науки (например, астрономия) изучают количественные закономерности окружающего мира, результатом чего являются общие понятия и законы, «...то в социальных науках, – пишет Вебер, – нас прежде всего интересует *качественная* окраска событий. К тому же в социальных науках речь идет о роли *духовных* процессов, «понять» которую в сопереживании – совсем иная по своей специфике задача, чем та, которая может быть разрешена (даже если исследователь к этому стремится) с помощью точных формул естественных наук» [1, с. 371]. Отличие наук о культуре от наук о природе состоит и в другом, еще более важном моменте.

Вебер затрагивает и такой аспект: количественные методы исследований все шире проникали в социальное познание и в его время, из чего делались выводы, что социальные науки все более превращаются в точные науки. Вебер тоже видел эти процессы, но не считал их принципиальными для социально-гуманитарного знания и его специфики. По его мнению, чем больше расчетов будет применено в социальном познании и чем больше закономерных повторимостей будет исследовано, тем больше это будет похоже на «справочник по соединениям органической химии», но не приблизит нас к пониманию исторической действительности в ее культурном значении [1, с. 372].

Дело, согласно Веберу, заключается в том, что из законов и факторов невозможно дедуцировать реальность жизни, так как индивидуальная констелляция (то есть совокупность свойств и связей индивидуального явления) выводима только из другой такой исторической индивидуальной констелляции или индивидуальной группировки. Знание же законов в данном случае есть только первый шаг и не очень существенный на пути изучения культурно значимых явлений. Куда важнее вторая задача, по Веберу, – это объяснение «основания и характера этой значимости» [1, с. 373]. Из этой существенной второй задачи вытекают еще две важные задачи (третья и четвертая): изучить становление индивидуальных группировок (констелляций) в прошлом; оценка и прогноз возможных будущих констелляций.

Таким образом, согласно Веберу, открытие социальных законов не является целью социальных наук, а только средством познания. Этот вывод непосредственно подводит Вебера к характеристике своеобразия социально-гуманитарного знания: «Мы назвали «науками о культуре» такие дисциплины, которые стремятся познать жизненные явления в их культурном значении. *Значение* же явления культуры и причина этого значения не могут быть выведены, обоснованы и пояснены с помощью системы законов и понятий, какой бы совершенной она ни была, так как это значение предполагает соотношение явлений культуры с *идеями ценности*» [1, с. 373-374].

Понятия культуры отличаются от понятий естествознания своим ценностным характером, так как явления культуры – это нечто значимое для человека и человечества. Сделать предметом исследования наук о культуре некоторое явление можно только установив его значимость. Значимость при этом не коррелирует с социальными законами, и они не могут ее выявить и прояснить. Наоборот, чем более общее знание несет закон, тем он дальше отстоит от выявления значимых явлений культуры в силу того, что они имеют индивидуальный характер. Вебер приводит в качестве примера культурное значение обмена в товарно-денежном хозяйстве. Обмен имеет общие черты, но они ничего не говорят о культурном значении обмена в ту или иную эпоху. Эти общие черты интересуют юриста, но экономист, социолог или историк должны

объяснить, чем отличается обмен в древности от социально-экономических отношений современного общества. Вебер отмечает, что не типовые характеристики социально-экономического явления здесь важны, а его индивидуальные проявления, так как «...мы стремимся к познанию исторического, то есть *значимого* в индивидуальном *своеобразии* явления» [1, с. 375-376].

Индивидуальные явления культуры, констелляции, являющиеся частным случаем, не нужно, согласно Веберу, подводить под формулу закона, под общее. Таков ход познания в естественных науках, и это суть любого объяснения действительности. Но в данном случае научное объяснение бессильно и подведение видового понятия под родовое ничего не дает. Совокупность индивидуальных явлений, имеющих значимость для определенной культуры, соотносится с ценностными идеями культуры, выражается в них. Такой ход познания в науках о культуре Вебер называет *сведением*. То есть речь идет о том, что индивидуальное явление сводится к причинам, его вызвавшим (другим индивидуальным явлениям). Законы, абстрактные родовые понятия при этом тоже играют свою роль, но только как условие дальнейшего сведения индивидуального явления к ценности, то есть «...*надежность* такого причинного сведения тем больше, чем полнее и глубже знание общих законов» [1, с. 378]. Как выше уже отмечалось, знание законов – это только средство познания социальных явлений. Законы и общие родовые понятия выступают в роли своеобразных направлений, ориентиров и вех, упорядочивающих знание. Но не более того. Вебер почти дословно приводит закон обратного отношения между объемом и содержанием понятия: чем больше объем родового понятия, тем беднее оно содержанием, «...тем дальше оно уводит нас от полноты реальной действительности», поэтому «в науках о культуре познание общего никогда не бывает ценным как таковое» [1, с. 378].

Значит, объективное знание, получаемое в науках о культуре, не может заключаться в знании законов, ибо такое знание ничего не говорит о характере культуры. Мировая бесконечность, по Веберу, лишена смысла, а культура – это та часть действительности, которая несет

смысл. Законы ничего не говорят о смысле, поэтому они могут характеризовать природные реалии, не несущие смысла, но культурные ценности в них не представлены.

Трансцендентальным условием всякого познания, согласно неокантианству, является существование трансцендентального субъекта, обладающего способностью формулировать априорные формы, структурирующие наше знание. Но трансцендентальный субъект обладает и способностью придавать реальности не только структуру, но и смысл, значение, что делает часть окружающего мира культурой. В этом, по Веберу, и состоит трансцендентальная предпосылка наук о культуре. Он пишет: «...мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную *позицию* по отношению к миру и придать ему *смысл*» [1, с. 379].

Социальное познание имеет такой же необходимый и всеобщий (то есть «объективный» в терминах неокантианства) характер, как и знание естественнонаучное, так как оно опирается на априорную способность познающего субъекта упорядочивать эмпирический опыт при помощи чувственных созерцаний, законов, категорий и идей, но, кроме этого, оно имеет в своей основе и априорную способность определять культурное значение явлений. И это «...чисто *каузальное* познание, совершенно в таком же смысле, как познание значимых индивидуальных явлений природы, которые носят качественный характер» [1, с. 381].

Ценностные идеи, к которым сводятся индивидуальные явления культуры, субъективны, по Веберу, в том смысле, что исследователь осуществляет выбор материала в соответствии с господствующими идеями своего времени. Но при этом историк не привносит в материал ничего от себя, от своей прихоти, он выступает как активный субъект познания. Поскольку историк опирается на интересы эпохи, своего времени, постольку ценностные идеи носят intersubъективный характер, они значимы для всех людей, только эта значимость может меняться по степени, но не более того. В этом выводе Вебер отходит от Риккерта, уводившего ценности в надисторические слои.

Список использованной литературы:

1. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. Гайденко П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006.
6. Маркарян Э.С. О значении сравнительно-исторического метода в культурно-историческом познании // Вестник истории мировой культуры. 1957. №4.
7. Неусыхин А.И. Эмпирическая социология Макса Вебера и логика исторической науки // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
8. Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во Московского университета, 1992.
9. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997.